

Глава 37. Смушение Цзыяня

На следующий день они проснулись, когда солнце уже давно миновало зенит. Чоу Хуайшэн поднялся первым, а вот Ань Цзыяню даже просто пошевелиться стоило огромных усилий. Всё тело ломило после бурной ночи, а в самом сокровенном месте разливалась ноющая боль. Удивительно: накануне, в пылу страсти, он ничего подобного не чувствовал.

Чоу Хуайшэн накинул халат, подошёл к постели и нежно коснулся губ Ань Цзыяня быстрым поцелуем. Юноша густо покраснел — тем более что в комнате всё ещё витал отчётливый, томящий аромат вчерашней близости.

— Если устал, полежи ещё, — мягко произнёс Чоу Хуайшэн. — А я пойду погляжу, что у нас на завтрак.

С этими словами он вышел, решив дать возлюбленному время прийти в себя и побыть наедине с мыслями.

Ань Цзыянь остался лежать, созерцая потолочные балки. Под одеялом на нём не было ни нитки. Немного погодя он всё же пересилил слабость и приподнялся, но тут же замер: из его лона медленно потекло тёплое семя. Щёки юноши вспыхнули пунцовым пожаром. Торопливо схватив брошенную вчера на пол нательную рубаху, он стёр влагу, после чего поднялся, открыл сундук и достал из дорожного узелка чистое бельё.

Одевшись, Цзыянь распахнул окно. Морозный зимний воздух ворвался в комнату, унося дразнящие запахи греховой ночи, которые вряд ли удалось бы пристойно объяснить случайному гостю.

Прошло около часа, прежде чем Хуайшэн вернулся. К этому времени Цзыянь уже успел вернуть себе прежний невозмутимый вид.

— Держи, выпей пока горячее, — Чоу Хуайшэн протянул ему пиалу с тёмным отваром, принесённую на подносе.

— Что это? — Цзыянь озадаченно нахмурился. Он уже давно не принимал никаких снадобий или целебных пилюль.

Заметив его недоумение, Чоу Хуайшэн заговорщически улыбнулся:

— Противозачаточное средство.

От этих слов Цзыянь вновь вспыхнул до кончиков ушей. Как оказалось, Хуайшэн обо всём позаботился заранее: ещё вчера он попросил хозяина постоянного двора принести этот отвар из аптечной лавки, твёрдо вознамерившись заполнить своего суженого в ту же ночь.

— Так ты, брат Хуайшэн, всё спланировал заранее! — пробормотал Цзыянь. Он и сам не знал, сердиться ему или смеяться. Впрочем, веселье быстро улетучилось перед необходимостью пить горькое лекарство. Смирившись с неизбежным, он послушно осушил чашу до дна.

— Раз уж мы вместе, этого всё равно было не избежать, — усмехнулся Чоу Хуайшэн.

Слова его были разумны, но смущение никуда не делось. Цзыянь мысленно порадовался, что родился юношей-гэером, а не благородной девицей. Поступи так девица на выданье, её за подобное падение наверняка утопили бы в свиной клетке. В стране Юй к союзу двух мужчин относились куда терпимее, однако Цзыянь понимал: их тайна ни в коем случае не должна дойти до его папы Фэн Бэйцэ и отца-вана Ань Шаоциня. Последствия могли быть непредсказуемыми. Принц-регент обожал сына и лелеял с малых лет; узнай он, что кто-то посмел посягнуть на его сокровище, Хуайшэн в тот же миг загремел бы за решётку.

Цзыянь отставил пустую пиалу, и Хуайшэн тут же протянул ему чашу со свежей кашей из морепродуктов «гала». На дворе стояла зима, так что горячее блюдо быстро остыло до приятного тепла и больше не обжигало язык.

После бурной ночи и позднего пробуждения Цзыянь ощутил зверский аппетит. Стоило ароматному пару коснуться его лица, как в животе требовательно заурчало. Он принял чашу и принялся есть с такой жадностью, какой Хуайшэн у него ещё никогда не видел. Не прошло и нескольких минут, как от сытной каши не осталось и следа.

Отложив пустую посуду, Цзыянь вытер губы платком. Стоило ему поднять глаза, как он наткнулся на пристальный взор Чоу Хуайшэна. Под этим любящим, внимательным взглядом юноша снова смутился. Он покосился на порцию Хуайшэна — тот к своей еде даже не прикоснулся.

— Что ты так смотришь?.. У меня что-то на лице? — Цзыянь невольно коснулся щеки. Вдруг плохо умылся спросонья? Он уже порывался встать и подойти к бронзовому зеркалу.

— Да нет, ничего там нет, — мягко рассмеялся Хуайшэн. — Просто мне нравится смотреть, как ты ешь.

— Глупости какие, будто раньше не видел, — буркнул Цзыянь, возвращаясь на место. С каждым днём Хуайшэн становился всё невыносимее. Его бесконечные нежности и подначки заставляли сердце трепетать, а самого Цзыяня — разрываться между досадой и безотчётным счастьем. Интересно, все ли влюблённые ведут себя так глупо?

— Ты слишком красив, — заглядывая ему в глаза, прошептал Хуайшэн. — На тебя невозможно насмотреться.

И это была чистая правда. Ань Цзыянь обладал редкой, благородной красотой. Даже сейчас, растрёпанный после сна, без дорогих шпилек в волосах и парадных одежд, он выглядел

безупречно.

— Пустозвон, — притворно рассердился Цзыянь, бросив на него кокетливый взгляд. — Ешь давай, а то остынет совсем.

Опомнившись, Хуайшэн послушно принялся за свою кашу, стараясь подражать недавней поспешности своего ненаглядного.

Закончив с поздним завтраком, они так и остались в тёплой комнате. Цзыянь всё ещё чувствовал тупую боль внизу живота. Немногим ранее Хуайшэн бережно смазал его пострадавшее лоно какой-то прохладной мазью, и это принесло заметное облегчение, но о прогулках по городу сегодня не могло быть и речи.

— Может, ты прогуляешься один? — негромко предложил Цзыянь. — Приметишь что-нибудь интересное, а как мне полегчает — сводишь меня туда.

— И не думай, — отрезал Хуайшэн. — Я ни за что не оставляю тебя здесь одного ради праздного шатания. К тому же эта мазь — особое снадобье с горы Небесного Духа. К вечеру от боли не останется и следа, так что мы ещё успеем полюбоваться закатом.

Чоу Хуайшэн действительно спустился с Горы Небесного Духа не с пустыми руками. Выпестовавший его Истинный владыка Сюаньцин души не чаял в любимом ученике, а потому снабдил его редчайшими эликсирами и снадобьями, о которых другие послушники не смели и мечтать.

— Я просто не хочу, чтобы ты скучал из-за меня, — вздохнул юноша.

— С чего бы мне скучать? Вдвоём нам всегда есть о чём поговорить. Одному бродить по улицам тоскливо, куда приятнее открывать новые места вместе. К тому же я много лет провел в уединении — случалось и по семь дней медитировать без отдыха. Теперь, когда ты рядом, скука мне точно не грозит.

Слова Хуайшэна звучали настолько убедительно, что Цзыяню не нашлось что возразить.

— Вечно ты изводишь себя напрасными заботами, — с нежной укоризной добавил Хуайшэн, присаживаясь на край постели. — В том, что тебе сейчас тяжело, виноват только я. Как я могу бросить тебя одного?

Эти слова задели гордость Цзыяня.

— Я ведь о тебе беспокоюсь, а ты называешь это «напрасными заботами»! Раз уж на то пошло, мог бы вообще меня не трогать, тогда и мучиться бы не пришлось!

— Виноват, каюсь! Готов понести суровую кару, — рассмеялся Хуайшэн и в шутливом жесте легонько шлёпнул себя по губам.

Вид дурачащегося возлюбленного растопил напускную суровость Цзыня, и он не выдержал — прыснул от смеха. Поняв, что гроза миновала, Хуайшэн шутливо пригрозил пальцем:

— Отныне любое твоё слово для меня закон. Но умоляю, не лишай меня своей ласки! Иначе я иссохну от тоски, да и ты без меня заскучаешь.

С этими словами он выразительно скосил глаза вниз. Цзынь невольно проследил за его взглядом и обомлел: сквозь ткань штанов отчётливо проступал напряжённый бугорок плоти.

«О чём только думает этот бесстыдник? — Цзынь замер от растерянности. — Сам совладать с собой не может, а валит всё на меня!»

Щёки юноши вспыхнули с новой силой.

— Это... это твои личные трудности! Меня они не касаются! — выпалил Цзынь и с головой спрятался под одеяло, спасаясь от бесстыжего взгляда.

— Как это не касаются? — притворно-жалобным голосом отозвался Хуайшэн, пытаясь потянуть за край одеяла. — Ведь он откликается только на тебя.

Оба они лишь вчера впервые познали таинства плотской любви, и Хуайшэну, ошалевшему от обрушившихся чувств, было невероятно трудно держать себя в узде. К счастью, остатки разума удержали его от того, чтобы сорвать одеяло и вновь подмять под себя уставшего, но такого желанного юношу.